

П О С Л Е Д Н И Й акт пьесы А. П. Чехова «Иванов»...

Падает Иванов, сраженный на смерть не пулей, а всей той тусклой, мертвой, пошлой жизнью, которая окружала его. Занавес опускается...

Вы потрясены, взволнованы? Нет,нисколько. Может быть, вы негодуете? Ничуть. Зритель уходит из театра равнодушным.

Но как же так? Ведь на наших глазах оборвалась жизнь: пусть, по словам Чехова, самого обыкновеннейшего, каких тысячи, но все-таки человека.

Человеческая жизнь... Мы привыкли о ней говорить словами Н. Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...».

А вот когда человеку становится мучительно больно за бесцельно прожитые года, когда он чувствует себя бессильным изменить жизнь, тогда... тогда он поступает так, как поступил безвольный Иванов. В условиях царской реакции это было своеобразным протестом против житейской пошлости и человеческого ничтожества. Только в этом плане и следовало бы раскрывать чеховского Иванова.

Тончайший лирик, глубокий психолог, великий художник слова, Чехов всегда был и непримиримым, беспощадным врагом пошлости. Он, как

никто, хорошо знал ее губительную силу и потому постарался сорвать с нее маску благопристойности, обнажить ее гниющую пустоту.

Писатель ставил перед собой ясную цель — пробудить у читателя и зрителя чувство омерзения к пошлости и чувство, может быть, не осознанно, но до конца, но сильною протеста и возмущения. Чехов говорил о назначении своих пьес:

«Я хотел только честно сказать

5

Подлинное творчество — это напряжённый труд

Заметки о сезоне в театре имени Ф. Г. Волкова

людям: «Посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живёте!...» Самое главное, чтобы люди это поняли, а когда они это поймут, они непременно создадут себе другую, лучшую жизнь... Я ее не увижу, но я знаю — она будет совсем иная, не похожая на ту, что есть».

Вот этой-то внутренней силы чеховских пьес, своеобразного соединения в них мягкого лиризма со сдержанным гневом и не чувствуется в спектакле «Иванова». Правда, главный режиссер Р. Р. Вартапетов много потрудился над пьесой. Он учил актеров проникать в глубину человеческих характеров и идти по линии их внутреннего раскрытия. Но все ли продумано и понято до конца в чеховской драме?

Пьеса «Иванов» написана в 1888 году. То было время идейного разброда значительной части русской интеллигенции, в отчаянии твердившей стихи Надсона: «Облетели цветы, догорели огни, и осенняя ночь беспробудно темна».

Иванов — характерная фигура того периода. Когда-то он был энергичным, смелым. Но постепенно, окру-

женный «совами и филинами», стесняясь каждый раз с крушением своих надежд, он начинает чувствовать себя Дон-Кихотом. Он видит, что те маленькие дела, которыми он так увлеченно занимался, просто крохотные заплатки на убогой одежде нищего. Вот тогда-то и приходит к Иванову душевная усталость. Он начинает понимать ненужность своего существования и с горечью говорит доктору: «Голубчик, не вояйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены. Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необывновенных школ, горячих речей... Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое, богом данное дело».

Только в плане безверия, бессильного отчаяния и дается заслуженным артистом РСФСР Н. В. Кузьминным Иванов. Движения, голос, выражение лица — все рисует нам человека ду-

шевно опустошенного, не ожидающего уже от жизни ничего хорошего. Характер, созданный актером, остается неизменным с начала и до конца пьесы. А верно ли это?

Чехов не был бы Чеховым, если бы в своих произведениях ограничился только изображением увиденного и услышанного, не вложив в них кусочек своего «я», не влив в него хотя бы каплю своей крови. Чеховское «я» в 80-х годах было богато и многообразно. Он уже «выдавил по капле из себя раба», и гордой независимостью веет от каждого его произведения. Уже заклеил он беспощадным пером сатирика унтеров прищипанных, полицейских надзирателей очумелых, чиновников червяковых, а через них и весь самодержавно-полицейский строй. Пошлость с ее верными спутниками: духовной нищетой, тупым равнодушием ко всему свежему и новому и рабской покорностью — нашла в писателе свое. го настоящего врага и обличителя.

Вот этот Чехов и присутствует в каждом произведении, заставляя читателя ненавидеть и презирать все пошлое, низкое, злое.

К сожалению, актеры Ярославского

театра не прочитали чеховский подтекст, не услышали голоса писателя, который не уставая твердит: «Так жить больше нельзя!».

Пьесы Чехова, несмотря на их обличающую силу, полны внутреннего благородства и изящества. Их исполнение требует большой культуры актера. Нужно передать дух времени, настроения определенной части интеллигенции тех лет, строй их мыслей не только всем ходом развития действия, не только репликами героев, но и движениями, интонацией и тысячами других незаметных мелочей, которые создают колорит эпохи. А тысячи незаметных мелочей приходят только тогда, когда артист перестает быть артистом, становится живым, действующим героем пьесы.

Далеко не всем актерам удается это. Но до конца сумел перевоплотиться в артист Н. В. Кузьмин в чеховского Иванова.

На сцене видишь милую, обаятельную артистку В. Нельскую, а не резкую, раздражительную, умигающую от чихотки Сарру Абрамсон. Артистка на протяжении пьесы не меняется, остается одинаковой.

Совсем чужда Чехову Шура в трактовке артистки Г. Морачевой. Вызывающие резкие движения были нужны Ниле Снежко в пьесе «Барабанщица» (Морачева сыграла ее прекрасно), Вальке-дешевке из «Иркутской истории» (эта роль тоже удалась артистке). Но чеховской Шурочке эти движения чужды и производят неприятное впечатление.

Порывистая, стремительная, жизнерадостная, уверенная в торжестве светлого, Шура полна богатой внутренней жизни. Ее любовь к Иванову — это протест против пошлости, никчёмности людей, которых она видит вокруг себя, это вера в человека, во все прекрасное, что таится в нем и чего он часто сам не видит в себе. Ее любовь — это надежда на новую жизнь.

Но у артистки Морачевой Шура получилась совсем не такая. Она слишком прямолинейна, груба и не богата душевно. Тонкие интонации характера не оттеняются артисткой. Кстати, почти все персонажи этой постановки статичны. Они проходят через весь спектакль, не меняя своего душевного облика.

Пристальное внимание к чеховскому «Иванову» не случайно. Недостатки этого спектакля типичны для нашего театра.

Неподвижность характеров, отсутствие внутреннего движения образов характерны и для других постановок. Достаточно вспомнить хотя бы «Привидения» Ибсена, где актеры тоже выступают перед нами как древнегреческие неподвижные маски. Идейный пафос пьесы Ибсена также был не до конца понят актерским коллективом.

(Окончание на 4-й стр.)

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ

17 июня

3 стр.

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧИЙ
г. Ярославль